

## ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Давыдова Игоря Александровича на тему «Трансформация антропологической реальности в мире числовых соотношений», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы и отмечается недостаточность её разработки, а также формулируются представления об объекте, предмете, целях и задачах исследования и его методологической базе. Выделяются положения, выносимые на защиту, указывается авторское понимание новизны, теоретической и практической значимости диссертации.

В *первой главе* – «Основания дигитальной онтологии» – репрезентируются три основания мира, включая онтологический, дигитальный и антропологический. Если первое основание представлено бытием, второе – числом, то третье основание обнаруживает себя в онтологии галлюцинации. В пределах последнего основания центральное место занимает понятие антропологической реальности, т.е. реальности воображения, в которой антропологическое чувство наделяет мир смыслом, устанавливает связи и даёт существование объектам данной реальности.

Дигитальный дискурс, исследуемый в данной главе, трансформирует понимание человека, заменяя конститутивную роль воображения и его связи с сознанием на конститутивную роль интеллекта. Дигитальный дискурс формируется в постмодернистской философии (в делёзианских сетевых концептах) и в возникающей на ее основе постгуманистической философии (Б. Латур, Б. Массуми, Д. Харауэй). В связи с этим к рассмотрению привлечены базовые концепты этих направлений мысли.

В *первом* параграфе первой главы исследуются два подхода к пониманию феномена безумия: во-первых, как к результату соотношения внешних потоков и кодов, приводящих к тем или иным версиям шизореальности, что находит своё философское обоснование в концептах Ж. Делёза и Ф. Гваттари, и, во-вторых, как к феномену иного плана существования человека. Второй подход рассматривается в работе профессора Ростовской, посвящённой исследованию юродства, когда юродивый, в отличие от делёзианского шизофреника, конституирован иными онтологическими основаниями, не находясь в мире потоков и кодов шизоаналитического концепта. Всё это позволяет противопоставить шизофреника западной философской традиции и сумасшедшего русской традиции, соответственно. Переход дискурса о потоках и кодах внешней среды в дигитальное отношение к человеку является логичным движением данного типа мышления, выраженного в форме интеллекта, но не сознания. Так как сознание отсылает к неисчислимому состоянию субъективности антропологической реальности, оно и есть сумасшествие, в смысле преодоления интеллекта. Таким образом, шизоконцепт Делёза и Гваттари не предполагает выхода в иные онтологические горизонты, фундированные в антропологии воображения, но развивается в дигитальную реальность потоков и кодов, остающихся в плоскости цифрового социального алгоритма.

Во *втором* параграфе первой главы анализируется развитие делёзианского представления об аффекте и его дигитальной интерпретации Б. Массуми, который определяет аффект как интенсивность, предшествующую эмоциональному, антропологическому отношению к себе. Фактически, Массуми трансформирует антропологическую формулу о том, что отношение человека к себе предшествует отношению к миру. Развивая интеллектуальную оппозицию данной формуле, он предлагает определить человека не его отношением к себе или субъективностью, но внешним

потоком интенсивности, аффекта, который нивелирует любые антропологические коннотации в отношении его оснований. Действие аффекта, фиксируемое на ЭЭГ (электроэнцефалограмме), репрезентируется Массуми в русле сциентистского подхода, элиминирующего связь аффекта с феноменом субъективности, что ведёт к объективации антропологической реальности через её детерминацию потоком интенсивности, стоящим в корреляции с дигитальным Другим. Аффект в концепте Массуми коррелирует с внешними потоками масс-медиа. Такой дигитальный взгляд на аффект как на поток интенсивности противоположен взгляду русской философии, в которой аффектация представлена в качестве основания несовпадения человека с внешней средой потоков и кодов.

В *третьем* параграфе первой главы критически рассматривается концепт Хтулуцена исследовательницы компостизма Харауэй, предлагающей перевести дискурс о человеке в дискурс о компосте как результате всего исторического цивилизационного движения. Антропоцен, представленный Плантациоценом и Капиталоценом, является, согласно Харауэй, производным от вертикальной духовной индоевропейской традиции, основания которой связаны с патриархатом, иерархией и антропологической исключительностью. Согласно Харауэй, в её концепте Хтулуцен осуществляется преодоление данных вертикальных положений. Человек в данном концепте преодолевается не ницшеанским сверхчеловеком, а новой средой обитания, сим-хтоническим мирением, в котором кибернетические ассамбляжи создают новые дигитальные проекции феминизма, киборгов и научной фантастики.

В *четвёртом* параграфе первой главы анализируется соотношение сетевого дискурса и дигитальных схем описания реальности. Здесь представлен вывод о непосредственной связи философов сети – Симондона, Делёза и Латура – с дигитальным постгуманистическим отношением к

антропологическим вопросам об определении места и роли человека в мире числовых соотношений. Человек в концептах вышеозначенных философов включён в сетевую процессуальность в качестве одного из акторов (АСТ Латура) ризоматической горизонтальной структуры (концепт ризомы Делёза). В процессе индивидуации, не отличимой от индивидуаций иных элементов сети, человек, по Симондону, является метастабильной системой, в которую входят также и другие живые организмы. При этом человек теряет своё исключительное онтологическое положение, ничем не отличаясь от иных организмов, находящихся в таком же метастабильном, становящемся состоянии. Концепт Симондона послужил прообразом не только для сетевых и дигитальных подходов к описанию антропологической реальности, но и к теории сложности, оперируя такими терминами, как антисубстанциональность, множественность и становление, доиндивидуальное и индивидуация.

В *пятом* параграфе первой главы представлена деконструкция теории сложности с антропологической позиции. Суть данной теории состоит в определении человека через не выводимые из его субъективности понятия сложностного подхода: эмерджентность, рекурсия физических форм, контингентность, дигитальные технологии NBIC-тетраэдра. Все они приурочены к сциентистскому, исчисляющему, интеллектуальному взгляду на антропологическую реальность, в котором нет места субъективности. В результате человек, как художник в широком смысле слова, элиминирован из системы сложностных соотношений, органически перетекающих в дигитальную сферу бытия-в-цифре.

Во *второй* главе – «Философская критика дигитального дискурса» – рассматривается антропологическая позиция к соотношению человека и дигитального дискурса, противоположная первой главе. В данной главе репрезентированы концепты Бодрийяра, Хоружего, Гиренка и Хайдеггера.

Бодрийяр описывает ситуацию антропологической катастрофы, выявляя корреляцию между наступлением цифровой эры и элиминацией антропологического. Хоружий предлагает обратиться к описанию синергичного человека – Nexusa – как возможности иного понимания антропологической реальности, отличного от субстанциональных моделей классической философии и опирающегося на достижения квантовой физики и мистических религиозных практик. Гиренок предупреждает об опасности подходов, отождествляющих человека и интеллект, так как первый, в таком случае, становится неотличимым от машины. Концепт четверицы Хайдеггера предлагает обращение к древним индоевропейским моделям понимания человека, в которых он предстаёт включённым в бытийное перекрестье особого рода, как мерцающее бытие.

В *первом* параграфе репрезентируется концепт французского философа Бодрийяра, посвящённый антропологической катастрофе. Антропологическая катастрофа, по Бодрийяру, выступает результатом трансформации антропологической реальности в мире числовых соотношений. Данная катастрофа элиминирует остатки субъективности в дискурсе о человеке, ставя знак равенства между сознанием и интеллектом, между человеком и машиной. Такое – дигитальное – тождество приводит к определению сознания как детской болезни ИИ (искусственного интеллекта). Мозг, а не субъективность, становится определяющим дискурс о человеке, и так как мозг синонимичен интеллекту, то пропадает антропологическая двойственность, разделение на внутреннее и внешнее. Наступает момент аннигиляции человека в цифре, когда теряется его связь с субъективностью.

Во *втором* параграфе второй главы рассматривается концепт синергичной антропологии Хоружего. Хоружий определяет виртуальность как недород, как нечто энергично недостаточное для проявления в сущем. Человек обретает постижение иного плана существования через практики

себя. В качестве такой практики Хоружий рассматривает православную традицию исихазма, посредством чего человек обретает возможность достижения синергийного уровня существования. Таким образом, виртуальность и дигитальный дискурс в концепте Хоружего представляют собой низшие энергийные проявления бытия, которые олицетворяют собой отказ человека от реализации своего синергийного потенциала.

В *третьем* параграфе рассматривается концепт дигитального Другого, автором которого является основатель сингулярной антропологии Ф. И. Гиренок. Согласно этой концепции, Другой – это дистанцировавшаяся от человека субъективность. На дистанции субъективность воспринимается человеком как объективная реальность, в русле которой необходимо ему существовать. При таком подходе существование подразумевает подчинение алгоритму и исчисляющему рациональному видению мира, в котором уже нет человека, как носителя субъективности, ввиду её трансформации в Другого, обладающего авторитетом внешнего, объективного знания. Другой забирает потенциал субъективности на себя, оставляя человека без внутреннего чувства, чем объективирует его, снижая способность к самоаффектации, воображению и заменяя её на виртуальную реальность.

В *четвёртом* параграфе второй главы исследуется концепт четверицы (нем. *das Geviert*) Хайдеггера, в котором именно числовое соотношение приобретает антропологический смысл и становится антитезой к рассмотренным выше сетевым и сложностным подходам к определению человека. Человек выделяется в четверице своим субъективным чувством времени, чего не наблюдается у животных. Небо и земля, смертные и боги – эти составные реалии четверицы – входят в понятие бытия (нем. *Sein*), по описанию которого возникают аналоги сложностной теории: ирредукционистско-редукционистское соотношение реалий друг с другом и с бытием, эмерджентность, рекурсия. Но радикальным отличием четверицы

Хайдеггера выступает наличие в ней субъективности. На примере вещи, находящейся в центре четверицы, Хайдеггер показывает новую модель реальности и выводит самобытное прочтение мира, утраченное современным исчисляющим дискурсом о человеке. Пример четверицы Хайдеггера показывает наличие сакральной числовой альтернативы доминирующим дигитальным философским дискурсам.

В *пятом* параграфе второй главы соотносится между собой концепт Хайдеггера и концепт сложностного мышления. Преодолевая разорванность потоков сложностной теории, четверица Хайдеггера представляет собой разительную альтернативу дигитализму в объяснении мира. Включённый в неё наблюдатель воспринимает то, что дигитальная онтология не может увидеть в силу использования иной оптики: внешний объективирующий взгляд показывает ряд нефиксируемых пятен, которые не устраняются путём ввода новых различий. Интеллект не объясняет реальность, но умножает её сциентистские копии, т.е. создаёт интеллектуальные симулякры.

В *третьей* главе – «Культурно-исторические истоки дигитального дискурса и перспективы нецифрового понимания человека» – анализируются связи между языковыми, культурно-историческими основаниями и дигитальным дискурсом. В ходе проведённого исследования выявлен ряд аспектов культурного и исторического развития, повлиявших на становление объективированного, исчисляющего отношения к антропологической реальности. Речь идёт о возникновении Осевого времени, а вместе с ним и рациональности как доминирующего дискурса в понимании человека; артиклевых особенностях языка группы кентум индоевропейского языкового континуума; важности искусства как возможности выхода из дигитальных постгуманистических конструкторов в аутентичный модус виртуальности.

В *первом* параграфе среди основных культурно-исторических событий выделяется появление Осевого времени, как отправной точки рационального движения мысли о человеке, приведшей к антропологической катастрофе, описанной Бодрийяром. Рациональность заменила сознание, ограничив антропологическую реальность объективным, внешним пониманием человека. Данный исторический поворот мысли привёл к доминации цифрового отношения к человеку. С возрастающей ролью формальной коммуникации и, в конечном счёте, языка создаются предпосылки к развитию социального алгоритма, элиминирующего антропологические смыслы. Таким образом, антропологическая реальность теряет энергийно-смысловое наполнение, переходя в режим социально-одобренных практик, зиждящихся на интеллекте, но не на сознании, как полноте антропологического.

Во *втором* параграфе третьей главы представлен филологический концепт о связи дигитального мышления с артиклевой структурой языков группы кентум индоевропейского континуума, когда в нём выделяются две области – кентум и сатем – с филологическими особенностями, характерными для каждой из них филологическими особенностями, одной из которых является преобладание артиклевых форм в группе кентум, тогда как в группе сатем эти формы либо отсутствуют полностью, либо находятся в редуцированном состоянии. Артикли детерминируют существительное в характеристиках определённое/неопределённое, знакомое/незнакомое, упоминаемое/неупоминаемое, т.е. услышанное и ставшее понятным для Другого. Тем самым, артиклевой структурой конституируется исчисляющее мышление, рассчитанное на понимание Другим. Носителями данной языковой группы подразумевается, что словом возможно чётко объективировать смысл и трансформировать его в модус определённости для Другого. Из такого дискурсивного движения возникает дигитальная логика 0/1, базирующаяся на тех же фундаментальных основаниях, что и артиклевая



структура языков группы кентум – неопределённость 0/определённость 1. В данном случае, вполне органичным выглядит зарождение и тотальное доминирование дигитального дискурса именно в областях распространения языков данной группы, а именно – в местах возникновения западной философии с её рационализирующим, исчисляющим мышлением.

В *третьем* параграфе последней главы исследуется поэзия, как фундаментальная основа недигитального, творческого подхода к описанию антропологической реальности, в котором человек опирается на воображение и стремление к иным онтологическим измерениям, по Хайдеггеру. В качестве примера избрана поэзия Рене Шара, отражающая экзистенциальные переживания, напоминающие людям дигитальной эры о возможности выхода за рамки социального кода, неаутентичной экзистенции «бытия-в-цифре».

В *четвёртом* параграфе выявлены два антропологических типа: homo imaginabundus и homo virtualis, отличие которых друг от друга состоит в конституировании различными модусами виртуальности, аутентичным и неаутентичным, соответственно. Если аутентичный модус виртуальности репрезентирует антропологическую реальность, воображение и субъективность, то неаутентичный предлагает лишь выбор среди объективных возможностей.

В *заключении* подводятся итоги исследования и рассматриваются перспективы дальнейшего развития темы антропологической реальности в мире числовых соотношений. Предлагается разработать вопросы десубъективации в дигитальном дискурсе, трансформации этнического и религиозного мировоззрения в дигитальных проекциях современной философии, депривации духовных потребностей современного человека в условиях «бытия-в-цифре».

Вместе с тем, наряду с явными достоинствами, в диссертации можно выделить *отдельные замечания*.

Первое замечание связано с общей логикой диссертации, когда – с позиции метаязыкового единства текста – отдельные его построения выстроены сугубо по своей внутренней логике, не всегда совпадающей с логикой строения других частей диссертации. В результате этого пониманию всей целостности работы мешают внутренние «швы» («разрывы»), а определённые смысловые линии работы воспринимаются в качестве сосуществующих и параллельных друг другу. В этом отношении диссертация оказывается во многом – не классическим, но постклассическим способом соотнесения смыслов.

Второе – более мелкое – замечание связано с критикой концепта «Хтулуцен» Донны Харауэй, который сопоставляется с идеями Эмпедокла. Думается, что соотнесение столь разных дискурсов требует более детального анализа в диссертационном исследовании.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования и существа проделанной работы. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Давыдов Игорь Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор

профессор кафедры философской антропологии Института философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

**СЕРГЕЕВ**

Андрей Михайлович

30.05.2023

Контактные данные:

Тел.: +7(921)515-46-46, e-mail: asergeev8@yandex.ru

тел.: +7 (812) 328-94-21, e-mail: [office.philosophy@spbu.ru](mailto:office.philosophy@spbu.ru)

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Адрес места работы:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7 – 9.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Тел.: +7 (812) 914-64-43; e-mail: [spbu@spbu.ru](mailto:spbu@spbu.ru)

Подпись А.М. Сергеева удостоверяю:



ИМЕНИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА  
УПРАВЛЕНИЯ КАДРАМИ  
И. И. ЕРЕЦОВ

30.05.23.